

Д. Г. Аргучинцева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА И ДЕМОКРАТИИ

Проблема соотношения демократии и национализма является одной из наиболее остро дебатированных проблем современного социально-политического знания. Это обусловлено рядом факторов. Конец XX в. ознаменовался переходом от авторитаризма к демократии в более чем пятидесяти странах мира. Переходные процессы актуализировали поиск политической, национальной, культурной, идеологической идентичности. Соотношение либерально-демократических ценностей и национализма приобрело особую напряженность в ходе формирования новых государств в постсоциалистических странах. Как отмечал С. Хантингтон, «споры по поводу определения национальной идентичности, по поводу того, кого считать гражданином, а кого – нет, превращаются из умозрительных теоретизирований в сугубую реальность, когда автократия сменяется демократией и когда демократия сталкивается с многочисленными притязаниями на гражданство»¹.

Процессы глобализации привели к кризису идентичности и в так называемых «старых демократиях». Кризис идентичности проявился в подъеме мультикультуризма, в усилении этнического, расового, гендерного, религиозного сознания, «фрагментации идентичности». Фрагментация стала приобретать форму субнациональных движений за политическое признание, автономию, независимость. Таким образом, проблемы национального самоопределения, народного суверенитета и легитимности власти политически актуализировались как для новых государств, возникших в конце XX в., так и стран, которые давно и стабильно существуют как демократические государства.

Наблюдаемый процесс «осовременивания» идеологий сопровождается трансформацией социальных систем, реконструкцией государств, изменением функционального и ориентационного назначения национальной идеологии, переосмыслением «универсализма» западной модели демократии. Как отмечает российский политолог О. Ю. Малинова, системность идеологии основана не только и не столько на концептуально-логических, сколько на историко-ситуатив-

ных связях, поэтому «сцепление» идей в единые «пучки смыслов» происходит в контексте проблем, возникающих в определенной социальной реальности². Впервые взаимодействие либерально-демократических идей и национализма происходит в Новое время. В XIX в. «национальное» становится контекстом политической теории либерализма.

Актуализация «пучка смыслов», соединяющих либерализм, демократию и национализм, происходит во второй половине XX в., когда проблемы экономической и политической модернизации стали злободневными для стран, освободившихся от колониальной зависимости. В настоящее время соотношение национализма и демократии стало особенно актуальным и для стран постсоциалистического транзита.

Сложность анализа соотношения идеологии национализма и демократии обусловлена не только особенностями современного политического процесса, но и отсутствием в политической науке обобщенной теории национализма. Многообразие исследовательских позиций отражает сложность и противоречивость национализма как политической идеологии. Как констатирует Б. Андерсон, «нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря о том, что трудно анализировать»³. Объективный анализ затруднен и тем, что отношение к национализму даже на уровне научного исследования нельзя назвать ценностно нейтральным.

Большинство исследователей считают, что национализм зародился в Европе в процессе становления современного государства и борьбы с деспотизмом. Как отмечает М. А. Мунтян, исторически «человечество шло к свободе через становление наций и национальных государств, т. е. с помощью и использованием того, что принято считать национализмом»; именно национализм способствовал историческому прогрессу в отношении свободы и современной государственности⁴. Почему же историю либерализма и демократии так трудно отделить от истории национализма, а борьба за демократию часто ведется под националистическими лозунгами? Эта взаимосвязь обусловлена тем, что исторически и политически нация воплощается в двух ипостасях: в качестве субъекта суверенитета и в качестве субъекта идентичности первоначально гражданской, а затем и этнокультурной.

Изучая проблемы взаимодействия демократии и национализма в исторической ретроспекции, Э. Ян отмечает, что и демократия, и на-

ционализм производны от одной и той же фундаментальной идеи, а именно: идеи суверенитета народа. Провозглашая нацию в качестве единственного источника суверенитета и легитимности, либерально-демократическая традиция и национализм понимают базовую единицу анализа – нацию – по-разному. В либерализме подчеркивается гражданско-политическое содержание нации, а в этническом национализме – культурно-лингвистическое и даже «кровное» начало. Для этнического национализма нация – это самостоятельная субстанция, нуждающаяся в государственном оформлении для своего сохранения и развития. Нация, понимаемая как целостный организм с единой волей и особой национальной душой, превращается в мифологему, но эмпирически фиксируемую. При таком подходе к нации проблемы демократии теряют свою актуальность. Характер государственной формы, политического режима, в котором нация найдет свое воплощение, перестают играть определяющую роль⁵.

Ж.-Ж. Руссо был первым теоретиком демократического национализма. Нация, от имени которой становится возможным установление демократии, возникает только в момент своего политического самопровозглашения⁶. Нация становится не чем иным, как государственно-организованным сообществом. Именно в такой ситуации нация как *народ* и превращается в символ демократии, легитимируя свою государственную власть.

Для становления современных государств и развития гражданско-общества, как показывает история Нового времени, собственно классовых идеологий было недостаточно. Современное нединастическое государство требовало дополнительного фактора, формирующего государственную и гражданско-политическую идентичность. В первые десятилетия после Американской и Французской революций в национальных движениях преобладали либерально-демократические тенденции. Национализм формировался первоначально как государственный патриотизм и экономический национализм. Исторические особенности этого национализма хорошо проанализировал Роберт В. Райх⁷. Но оказалось, что демократия не стабильна, пока не подкреплена фундаментом национализма не только в политическом, но и в его культурном и этническом понимании. Либеральное понимание нации и национального государства столкнулось с серьезными проблемами, когда этнический компонент начал прорываться через гражданско-политическое единство наций-государств. Обращение к об-

щему историческому чувству и культурным корням, языковому единству позволяло сформировать сравнительно однородное в культурном отношении сообщество, способное разделить предлагаемые новые правила политической жизни. Право наций на самоопределение и реализация принципа «Одна нация – одно государство» были обусловлены не только приверженностью либеральному идеалу свободы, но и пониманием, что только в относительно однородном в культурном отношении сообществе возможна выработка общих политических идеалов.

Либеральная и демократическая составляющие в национализме стояли на первом плане до тех пор, пока в качестве основного противника политического движения выступало сословное династическое государство. В последней трети XIX в. национальные движения начали противоборство друг с другом. Чем больше роль главного врага национального движения переходила от господствующих сословий к другой нации, тем скорее шло изменение концепции свободы. На смену свободе от династического и сословного господства пришла свобода от национального угнетения и стремление к национальному обособлению. Этот факт, а также связанная с ним тенденция подчеркивать культурно-этническую основу нации вели к вытеснению либерально-демократического содержания в формирующихся нациях-государствах.

Следует отметить, что современный этнический национализм более подвержен авторитарно-диктаторскому перерождению, чем этатистский, поскольку чаще вызывает острые и даже кровавые внутригосударственные конфликты. Развитию тенденций к воинствующему национализму также способствует массовая политизация, которая не всегда имеет демократический характер, а нередко придает народному суверенитету популистские черты, делая его особенно уязвимым для политических манипуляций со стороны этнократии.

Таким образом, уже в европейской истории XIX в. выделяются два вида национализма: национализм, исходящий из гражданских оснований, и национализм, основывающийся на этническом факторе.

Власть всегда нуждается в символическом обосновании, позволяющем ей узаконить собственные притязания. Изобретение символов и традиций, обладающих социальной значимостью, необходимо для одобрения и оправдания властных претензий определенной политической группы. Кроме того, сама система государственной власти

нуждается в «групповой привязанности» к национальной политической системе, а обращение к национализму упрощает процесс выработки устойчивых ориентиров в отношении государственной власти и политических институтов.

Проблемы и противоречия взаимодействия национализма и демократии хорошо изучены в рамках теории модернизации. Многие исследователи (К. Дойч, Г. Зоннерт, Э. Тириакаян, Н. Невитт) рассматривали национализм как идеологию, которая способствует созданию нации-государства и последующей модернизации общества. Они подчеркивали, что национализм в зависимости от ситуации и социальных носителей может выполнять как антимодернистские, так и промодернистские функции.

Ряд ученых критически относятся к национализму как к эффективному инструменту модернизации и демократизации, особенно для стран постсоциалистического транзита. П. Е. Кандель отмечает, что национализму, возникающему в модернизирующихся обществах, различные концепции модернизации обычно предписывают три основные функции: консолидация общества для целей модернизации; мобилизация его на цели, связанные с развитием; компенсация страданий, вызванных отчасти предшествующей отсталостью, отчасти – самой модернизацией. Подобные трактовки исходят главным образом из опыта постколониальных стран, где национализм противостоит не только и не столько окружающему миру, сколько патриархальному трайболизму⁸. Выступая в данной ситуации интегрирующей силой, национализм является носителем более развитой, т. е. современной культуры и цивилизации. Но там, где национализм не выступает средством преодоления традиций, а, напротив, опирается на них, его консолидирующая и мобилизирующая функции оказываются подчиненными целям, далеким от модернизации и демократии.

Рассматривая демократию и национализм в современном обществе как взаимоисключающие политические принципы, политологи обращают внимание на то, что в условиях транзита в странах с высокой этнической неоднородностью населения, усиление националистических настроений раскалывает социум по этнонациональному признаку и препятствует возникновению эффективного гражданского общества. Так, Этциони отмечает, что национализм подрывает потенциал демократического развития и подвергает опасности основания народовластия в демократических государствах. Национальное самоопре-

деление, движущей силой которого выступает этнократия, быстро исчерпывает свою легитимность и как способ улучшить экономические условия жизни, и как инструмент демократизации. Национализм в посттоталитарных странах часто выступает как средство легитимации власти прежней номенклатуры. В условиях посттоталитарного мира национализм не способен быть средством модернизации, ведущей к демократии «ни по содержанию своей идеологии и системы ценностей, ни по характеру социальных сил, к которым апеллируют, и интересов, которые обслуживают»⁹.

Несмотря на критическое отношение к модернизаторской функции национализма, политическая элита ряда постсоциалистических стран продолжает рассчитывать на его идеологический потенциал как на средство модернизации и перехода к демократии. Г. Нодия в своей работе «Демократия и национализм» подчеркивает, что национализм является компонентом сложного явления, которое со всеми его составляющими именуется либеральной демократией. Эти два элемента – национализм и демократия – не могут жить друг без друга, хотя и сосуществуют в состоянии постоянного напряжения. Г. Нодия рассматривает национализм как «плавильный котел» демократических, самоопределяющихся политических сообществ¹⁰. Политическое единство необходимо для демократии, которая не может быть достигнута без того, чтобы люди не определяли сами себя как нацию. На ранних стадиях становления демократии особенно очевидно, что иррациональность политических ориентаций, определяющих, кто именно входит в понятие «мы, народ», является необходимым предварительным этапом рационального политического поведения.

Такое использование национализма в переходных обществах имеет свои причины. Идеальный вакуум, образующийся в посттоталитарном обществе, нуждается в заполнении новыми связующими элементами социальной и политической интеграции. При слабой укорененности либерально-демократических идей в политической культуре наиболее органичным способом восполнения такого идейного вакуума становится национализм. Являясь эффективным средством мобилизации общества, национализм способен успешно справиться с функцией идеологической ориентации, а попутно и психологической компенсации, возведя отсталость и неразвитость в ранг самобытности и особенности. Но именно подобная идейная компенсация, фетишизирующая отсталость и придающая ей статус национального своеобразия

разия, лишает национализм способности стимулировать демократическое развитие.

Таким, образом, в зависимости от исторической ситуации и характеристик субъектов политического действия идеи демократии могут стать актуальными для реализации национальных интересов. Это позволяет рассматривать концепты демократии и национализма в качестве взаимодополняющих в определенных социально-политических обстоятельствах, хотя их соединение дается непросто. Рационализированные институты и структуры (права человека, выборы, система разделения властей, гражданские свободы) могут служить инструментами поддержания внешней формы демократического государства, но никак не укорененной основой его внутреннего национального единства. Современное демократическое государство, основанное на политическом участии народа, нуждается в четком определении состава демоса и его ценностных ориентаций. Но в любом современном государстве народ как общность всех граждан государства обычно включает в себя этнические меньшинства. При несовпадении национального и политического для этих меньшинств возникает напряженность, которая и порождает этнический национализм. В то же время и самой демократии присущи этнократические черты, преодоление которых связано с признанием на политико-правовом уровне факта полиэтничности.

В то же время гражданское определение нации как политического сообщества граждан государства не обязательно включает все население. Оно просто использует политико-правовые, а иногда и идеологические, а не этнические основания для исключения из состава нации¹¹. Возможность отождествления суверенности и идентичности в рамках национального дискурса позволяет использовать национализм в качестве эффективного политического инструмента.

История развития современной демократии и национализма раскрывает многообразие «пучков смысла» взаимодействия этих двух политических и идеологических феноменов. В странах Западной Европы идеология национализма возникла как бы незаметно, сплывавшаяся с населением (начиная с «третьего сословия»), и следовала за развитием демократии. В тех же странах, где общее экономическое и политическое развитие задерживалось, национализм становился «ледником» демократии. В первую очередь это обусловлено инструментально-

стью идеологии национализма. Этническая и национальная идентичности открыты для манипулирования со стороны политических элит, так называемых «этнических предпринимателей». Политический капитал наживается за счет акцентирования и эксплуатации межгрупповых отличий и противоречий, которые формулируются в этнических/национальных терминах. Национализм сводится к сознательной манипуляции, выступая не столько источником, сколько инструментом идейного и политического противоборства. В то же самое время «процесс изобретения символических маркеров национальности» не является беспрепятственным. Различные сценарии идентичности формируются под воздействием эмоционально значимых образов, бытийных предрассудков, образуя тем самым политическую коммуникацию. Анализ национализма в данном случае сводится к оценке конкретных политических действий, совершаемых от имени нации.

В определенной степени национализм не является самодостаточной идеологией: ориентируясь на формирование и поддержание государства, он все-таки нуждается в определении характера государственности. Поэтому национализм все больше превращается в оболочку для различных идеологий и социально-психологических состояний людей, в инструмент политических технологий, ресурс власти. Он оказывается самым эффективным средством адаптации различных моделей идеологического мышления к массовому сознанию. В результате национальные идеи легко трансформируются в политическую стратегию прихода к власти различных социальных сил.

Р. Галлиссо определяет современное национальное государство как нечто среднее между социальным государством и государственным корпоративизмом. Для развивающихся государств основой их существования становится национальное социальное государство. В странах с развитой рыночной экономикой и высоким уровнем потребления происходит смещение от национального государства к государственному корпоративизму¹². Отсюда парадоксальный вывод, что в настоящее время национальное государство в собственном смысле существует только в экономически неразвитых странах, а в развитых государствах сохраняется как национальное лишь благодаря выполнению социально-распределительных функций. Итогом модернизации является эволюция государственности, выражающаяся в раз-

витии внутреннего корпоративного и утрате национального и культурного централизма.

Таким образом, демократичность национализма и национальный характер демократии определяются политическим выражением национальной идентичности, истолкованием границ политического общества. Причем национализм не обязательно должен быть направлен на изменение территории государства, он может добиваться обеспечения соответствия нации государству в уже заданных государственных пределах. Это то, что принято называть «официальным» или «правительственным» национализмом. Сюда включаются целенаправленные усилия государства по строительству нации, формированию национальной идентичности населения, утверждению определенной национальной идеи, проведению заранее заданных национальных интересов.

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызов американской национальной идентичности. М., 2004. С. 41.

² Малинова О. Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 96.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 28.

⁴ Мунтян М. А. Национализм в эпоху постиндустриализма: попытка нового прочтения // Социальная теория и современность. Вып. 12. Нация, государство, национализм: теория, история, практика. М., 1993. С. 18.

⁵ Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. 1996. № 1. С. 114–117.

⁶ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре: Трактат. М., 2000. С. 524–526.

⁷ Reich R. The Work of Nations. Preparing Ourselves for 21 st-Century Capitalism. NewYork, 1991.

⁸ Кандель П. Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. 1994. № 6. С. 8–9.

⁹ Уткин А. Национализм и будущее мирового сообщества // Свободная мысль. 1995. № 3. С. 83.

¹⁰ Нодия Г. Демократия и национализм // Век XX и мир. 1994. № 7–8. С. 89.

¹¹ Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 62–63.

¹² Галлиссо Р. Одолеть национализм или национализм одолеет нас. М., 1993. С. 32.